

Робин ЭГГАР

За рубежом. 1998, 7-13 авг. - стр. 14/15

«ТАЙМС МЭГЭЗИН», ЛОНДОН.

Три тенора

ПЛАСИДО ДОМИНГО кидается к стоящему у окна кабинетному роялю «Бекштейн»: «У меня идея!» — и тут же что-то шепчет пианисту Биллу Хиксу. Тот, кивнув, быстро перебирает стопку нот и, едва прикасаясь, пробегает пальцами по клавишам. В полный голос и с затаенной страстью Доминго начинает петь: «Идя сквозь бури, не вешай головы». Слова такие знакомые — и такие нездешние.

А Хосе Каррерас подхватывает: «И не бойся тьмы» — и, не в силах сдерживать чувства, широко раскидывает руки. Звуки льются с такой силой, что, кажется, дрожат картины на стенах. Доминго манит пальцем Лучано Паваротти, который в одно движение присоединяется к поющим, лаская каждое слово, будто именно в нем особый смысл, и выстраивая строку за строкой. Затем они вместе поют: «Вперед, вперед с надеждою в душе! Иди один ты никогда не будешь!»

Это не выступление, не репе-

тиция. Их голоса обволакивают помещение, паря над тишиной, заполняя все вокруг и заставляя переходить на шепот. Стройная девушка с волосами цвета воронова крыла, принесшая отуженный для вечера смокинг Паваротти, стоя в дверях, в полном смысле слова замерла, хотя не раз слышала эту вещь. Хотел бы я знать, смог бы хор ангелов слезть лучше.

Если не считать вида из окон на Центральный парк, который уходит так далеко, что неведомо, где кончаются деревья и начинается Гарлем, ничто не говорит, что здесь обитает мультимиллионер. Парадная комната манхэттенских апартаментов Паваротти выглядит довольно скромно. Рояль, стеллажи с фотографиями и наградами, письменный стол в дальнем углу, заваленный бумагами, и большая софа рядом с дверью. И еще люди... Много людей...

Вокруг стола в креслах из черного лакированного бамбука —

три теноров плюс американский дирижер Джеймс Левин и концертный импресарио Тибо Рудас. Перед каждым — куча нот. За роялем — Хикс, «автоматический проигрыватель» в человеческом облике, взятый на время из Метрополитен-опера. Йон Макларен, правая рука Рудаса, восседает на софе, он записывает идущий разговор. Время от времени, вскочив, проигрывает на портативном стерео какую-нибудь музыкальную вещицу.

Квартира набита сувенирами, призами, подарками. На стенах миниатюрные портреты и гравюры композиторов в рамках вместе с их подлинными письмами и фрагментами произведений. Среди них письмо Пуччини к даме сердца, в котором он пишет: «Отчаянно скучаю по тебе, но когда думаю о тебе, пишу свою лучшую вещь». Речь — об опере «Турандот», арию из которой — *Nessun Dokma* — Паваротти навсегда включил в свой репертуар в 1990 году. Это письмо — подарок певцу от Николетты

Мантовани, его возлюбленной. Повсюду фото, на которых Пав (так его обычно называют) с Николеттой и друзьями-звездами. Сэр Элтон Джон и Боб Хоуп обмениваются рукопожатиями, Хиллари Клинтон, Боно, Лучано в объятиях принцессы Дианы. Здесь же шаржированный автопортрет Энрике Карузо, фотография Джона и Джекки Кеннеди с автографами. А скульптура Паваротти в три фута высотой навеки запечатлела в бронзе образ артиста, она обращена к застекленному полкам, изнемогающим под тяжестью антикварных Будд и различных наград и подношений.

На стене позади стола гравюра Центрального парка, по соседству — сценка из итальянской городской жизни, явно написанная способным художником-любителем. «Нравится? — спрашивает Паваротти. — Сам рисовал». Рудас энергично кивает головой и дает мне понять, что ставит ее. Пав буквально сияет от удовольствия.

(Окончание см. стр. 14-15).